

УДК 81–11.181.1

НАУЧНЫЕ ИДЕИ Б.Н. ГОЛОВИНА И ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА

© 2011 г.

Н.Н. Лаерова, С.А. Рылов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sovrusyaz_nngu @ mail.ru

Поступила в редакцию 25.02.2011

Многие научные идеи Б.Н. Головина являются актуальными для лингвистики XXI века: разграничение языка, речи и текста, влияние термина на осознание сущности языкового явления, взаимодействие различных научных школ и направлений.

Ключевые слова: объект лингвистики, «магия термина», научная толерантность.

Профессор Б.Н. Головин, ученик академика В.В. Виноградова, оставил богатое научное наследие, и многие его идеи не утратили своей актуальности в XXI веке. Прежде всего, Б.Н. Головин предвидел взаимодействие лингвистики с другими науками. Осознавая необходимость и неизбежность этого процесса, учёный предостерегал о возможной утрате главного объекта собственно лингвистического исследования, каковым является язык. Так, в своей последней статье («Лингвистика текста» или «лингвистика речи») Б.Н. Головин писал о неправомочности рассматривать текст в качестве компонента языка – одного из уровней языковой системы, потому что указанный подход означает «полную потерю теоретических представлений о границах языка как особой системы общения» [1, с. 7]. Настаивая на том, что «не текст является единицей языка самого высшего его уровня, а единицы языка участвуют в построении текста, учёный дал своего рода формулу: *текст = речь + её внеязыковое содержание*. Соответственно задача «изучать единицы языка в конкретных текстах не может и не должна подменяться задачей изучения текстов как единиц языка» [1, с. 8].

Показательно, что в лингвистических словарях, изданных в нашем веке, «лингвистика текста» определяется как наука, формирующая «новые онтологические основания для анализа взаимоотношения языка и речи», позволяющая «наблюдать данную связь опосредованно, через текст» [2, с. 191]. Таким образом, активно развивавшееся во второй половине прошлого века направление исследований – лингвистика текста – входит в своё исконное русло: изучение речевой трансформации языковых категорий (модальности, темпоральности, персональности и др.).

Актуальными остаются исследования Б.Н. Головина в области терминологии. Он убедительно показал, что термин может воздействовать на наше сознание, и образно назвал это «магией термина». Суть в том, что в термине на первый план выдвигается его соотносённость с понятием, а не с реальным объектом познания, вследствие чего нередко становится искажённое описание этого объекта: «Возникает даже иллюзия того, что можно изучать <...> научные логические абстракции, минуя действительность <...>. Появляются многочисленные «конструкты», выводимые из других «конструктов». Начинается коловращение идей в отрыве от мира вещей и предметов, подлежащих изучению» [3, с. 8–9]. В какой-то степени процитированное высказывание объясняет ту непростую ситуацию с изучением концептов, которая сложилась в настоящее время: концепт стал восприниматься как «ментальный артефакт», он «рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения» некой «духовной реальности» [4, с. 50].

«Магия терминов», обозначающих в первую очередь раздел науки и лишь затем – объект научного исследования, не преодолена и поныне. Не случайно в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, переизданном в 2005 году, «морфология» даётся с пометой *спец.*, но приоритетным оказывается значение «раздел грамматики – наука о частях речи, об их категориях и формах слова». Точно так же представлены значения термина «синтаксис»: 1) «наука о законах соединения слов и о строении предложений», 2) «система языковых категорий, относящихся к соединениям слов и строению предложений». А в «Полном словаре лингвистических терминов» термины «морфология» и «синтаксис» стали моно-

семантами, обозначающими исключительно разделы грамматики Морфология – «учение о грамматической стороне слова: его грамматическом значении, формообразовании и системах грамматических форм». Любопытно продолжение: «Единицей М. является слово, предметом изучения – грамматические характеристики слова» [5, с. 219]. Получается, что слово – это «единица учения о грамматической стороне слова». По аналогичной схеме строится словарная статья о синтаксисе – исключительно как об «учении о соединении слов в связной речи» [5, с. 413]. Дефиниции, сходные с вышеприведёнными, сохраняются во многих школьных и вузовских учебниках по русскому языку, формируя у читателей ложное представление о том, что «объект лингвистической науки конструируется самой наукой» [6, с. 10], что язык при желании можно упростить так же, как орфографию и пунктуацию (например, почему бы не отменить склонение количественных числительных?).

Стремление разграничить явления самого языка и соответствующие разделы науки о языке побудили Б.Н. Головина ввести новые термины – *стилелогия* (наука о стилях) и *терминоведение* (в отличие от «терминологии», обозначающей совокупность терминов). Второй термин вошёл в научный обиход. Так, в энциклопедии «Русский язык» указывается, что термины являются «объектом самостоятельной лингвистической дисциплины – терминоведения» [7, с. 557].

Особое внимание Б.Н. Головин уделял производным терминам как словам, значение которых мотивировано производящей основой. Такие термины должны фиксировать существенный признак обозначаемой языковой реалии. В связи с этим не вполне удачными являются термины «качественные» и «относительные» прилагательные: «они иногда заставляют думать, что различие качественности-относительности произведено наукой «по ошибке»: качественность присуща всем именам прилагательным <...> В сущности же, термин «качественное» указывает скорее на «количественность» соответствующего признака, на способность этого признака изменяться по количеству, по степени обнаружения в том или ином предмете. Термин «относительность» указывает на «неколичественность» соответствующего признака» [8, с. 120–121]. К сожалению, важное замечание учёного, касающееся мотивированности термина, в частности негативного влияния ложной мотивации на познавательный процесс, осталось без внимания. В учебных пособиях и спра-

вочных изданиях по русскому языку по-прежнему главной особенностью относительных прилагательных считается то, что они обозначают признаки предмета «через отношение к другому предмету (*дверной, стеклянный, весенний*), процессу (*плавательный, надувной, лечебный*) или признаку (*прежний, вчерашний*)» [7, с. 377]. В новейшем (2010 г.) «Полном словаре лингвистических терминов» сохраняется привычное нарушение классификационного принципа релевантности: качественные прилагательные выделяются на одном основании (они «обозначают признаки, которые способны проявляться в разной степени»), относительные прилагательные – на основе производности их основы, «непрямого» обозначения признака [5, с. 340]. Таким образом, традиционные дефиниции прилагательных, во-первых, несколько затемняют принципиальное отличие качественных прилагательных от относительных: обозначение признака, проявляющегося с разной интенсивностью или неизменного в своём проявлении. Во-вторых, дефиниции не обладают «объясняющей силой»: они не дают ответа на вопрос, почему возможно употребление относительных прилагательных в значении качественных («*стеклянный* сосуд – *стеклянный* взгляд равнодушных глаз»).

Нетрудно заметить, что качественные прилагательные, как и относительные, могут обозначать признак предмета через отношение к другому предмету, например: *ленивый* – «исполненный лени», *лысый* – «имеющий лысину», *лестивый* – «склонный к лести», *завистливый* – «испытывающий зависть», *пыльный* – «покрытый пылью» и т.д. Точно так же качественные прилагательные способны обозначать признак предмета через отношение к действию: *задумчивый* – «склонный задумываться», *молчаливый* – «склонный молчать»; *ворчливый* (ср «ворчать»). Прилагательные типа *открытый*, по происхождению являющиеся причастиями, первоначально тоже обозначали признаки, имеющие отношение к действию. Следовательно, различие качественных и относительных состоит в том, что в значении качественных прилагательных содержится сема ‘в той или иной мере склонный к... / имеющий, содержащий в себе / обладающий тем, что обозначает производящая основа’. В значении относительных прилагательных заключены иные семы – ‘сделанный из того, что названо производящей основой’ или ‘существующий в том месте, в то время, которое названо производящей основой’ (*городской, вечерний, здешний*) и т.п. Переход относительных прилагательных в качествен-

ные (или развитие значения «качественности» у относительных прилагательных) становится возможным благодаря трансформации сем относительных прилагательных: вместо «сделанный из...» → «сходный с тем, что сделано из...». А сходство, как известно, проявляется в той или иной степени, поэтому в художественной речи относительные, развивая значение качественности, могут употребляться в форме компаратива: *Его походка становилась деревяннее: Я не видел человека с более железной волей, чем Жуков.*

Остаётся неполной, а потому неточной дефиниция термина «притяжательное» прилагательное: «Относительные П., указывающие, кому принадлежит предмет, к-рый они определяют, называются притяжательными» [7, с. 377]. Или: «Относительные П., обозначающие признак через его принадлежность человеку или животному, выделяются в частный разряд притяжательных П.: *мамин, <...> соседский, медвежий*» [5, с. 340]. Обратим внимание на то, что притяжательным, наравне с «мамин», «медвежий» именуется собственно относительное прилагательное «соседский». Такое смешение слов разных лексико-грамматических разрядов стало возможным потому, что в основе классификации лежит семантический признак и полностью игнорируются формально-грамматические показатели: наличие суффиксов */ий* или *ов, ин* – при нулевой флексии – у притяжательных прилагательных в начальной форме; соответственно не замечается различие в типах склонения (адъективное – у прилагательного «соседский», притяжательное – у «мамин», местоимённое – у «медвежий»). В результате стирается малозаметная граница между прилагательными типа *рыбачий – рыбачий, лошадиный – лошадиный* и выделение притяжательных прилагательных как особой лексико-грамматической группы лишается основания. Неудивительно, что в приложении к журналу РЯШ – «Русский язык в школе и дома» – даётся следующая рекомендация учителям «о морфологическом анализе имени прилагательного»: «Многие притяжательные (выделено нами. – *Н.Л., С.Р.*) прилагательные в контексте способны выступать в значении относительных и качественных, например: прилагательное в словосочетаниях *утиный клюв* (принадлежащий утке) – притяжательное, *утиный выводок* (состоящий из уток) – относительное, так как обозначает признак отношения к составу, *утиная походка* (похожая на манеру передвижения утки) – качественное» [9, с. 1]. На каком основании «утиный» следует считать «притяжательным» прилагательным,

способным развивать иные значения, учителю остаётся только догадываться.

Если из-за неточной дефиниции не всегда разграничиваются фонетически несхожие термины, то тем больше вероятность отождествления терминов однокоренных. Б.Н. Головин в ряде своих работ отмечал, насколько нежелательна подмена термина «методика» термином «метод». Метод – это общее направление исследования, обусловленное целью, которую ставит перед собой учёный; методика – это система «повторяющихся более или менее стандартизованных приёмов собирания, обработки и обобщения фактов <...> Если метод – это путь, прокладываемый к истине, то методика – инструмент, нужный для прокладывания этого пути» [8, с.190]. В рамках одного метода исследования могут применяться разные методики, и наоборот: одна и та же система «приёмов» оказывается востребованной лингвистами, ставящими разные исследовательские цели. Например, Б.Н. Головин выделял стилистический метод, возникший в связи с необходимостью «познать природу и признаки стилей языка и стилей речи» [8, с. 195]. В рамках стилистического метода можно использовать исключительно традиционные методики (наблюдение, сопоставление), но целесообразно обратиться и к методике статистической, которая «опирается на идеи и обобщения теории вероятностей и математической статистики» [8, с. 203]. С помощью того варианта статистической методики, который был разработан Б.Н. Головиным, удалось описать стилевую дифференциацию грамматической структуры современного русского языка, а также выявить специфику функционирования простых предложений-высказываний в текстах берестяных грамот, в деловых, летописно-хроникальных, в повествовательно-художественных текстах (в конечном счёте – охарактеризовать синтаксические изменения, происходившие в процессе формирования стилей с XII по XVII век). Статистическая методика была использована проф. М.Р. Львовым для определения тенденций развития речи учащихся и продолжает служить инструментом познания онтогенеза. Вместе с тем, вариант указанной методики становится востребованным и в исследованиях совсем иного направления – в лингвокриминалистике, при проведении судебной экспертизы, в частности «при постановке вопроса об авторе анонимного или псевдонимного текста», вопроса об атрибуции текста [10, с. 21]. Следовательно, разграничение терминов (и понятий) «метод» и «методика» является важным для реализации такого коммуникатив-

ного качества речи, как точность. Тем не менее, во многих кандидатских диссертациях последнего десятилетия первый термин вытесняет второй. Кроме того, непоследовательно употребляются терминологизированные словосочетания «предмет исследования» и «объект исследования» – роль терминологии в научном общении недооценивается.

Влияние терминов на осознание сущности языковых категорий обнаруживается в процессе вузовского преподавания синтаксиса. Так, с нашей точки зрения студентам необходимо видеть специфику односоставных предложений – словесных конструкций, отражающих особенности русского национального мышления. Это предложения, которые строятся вопреки логической формуле S+P и позволяют автору речи сосредоточить всё внимание либо на процессуальности, либо на бытии предмета. На теоретическом уровне студенты, как кажется, воспринимают доказательства особого положения односоставных в синтаксической системе русского языка. Принимается комментарий природы безличных предложений (они дают ответ на извечный русский вопрос *Кто виноват? – Никто, нет производителя действия*), предложений инфинитивных, часто отражающих русский фатализм (примерами могут служить состоящие из цепочек инфинитивных предложений стихотворения А. Блока «Грешить бесстыдно...», О. Мандельштама «Твоим узким плечам под бичами краснеть...», С. Есенина). Понятен и сам производный термин «односоставное» предложение. Однако в ходе синтаксического анализа главный член так называемых «процессуальных» односоставных приходится обозначать термином «сказуемое», и сам термин побуждает студентов указывать на «пропуск» подлежащего, поскольку со школьной скамьи усвоено, что сказуемое – главный член предложения, зависящий от подлежащего. Главный член номинативного предложения приравнивается к подлежащему. В итоге специфика односоставных «размывается». Неэффективным оказывается употребление термина «главный член односоставного», поскольку длинный трехкомпонентный термин в устной речи учащихся сокращается до двухкомпонентного («главный член»), а «главным членом» является как подлежащее, так и сказуемое двусоставного предложения. Терминологическую многозначность удалось устранить благодаря введению термина «монопредикат», т.е. «единственный выразитель предикативного значения односоставного предложения». «Магия терминов» *сказуемое, подлежащее* была преодолена.

В последний год своей жизни Б.Н. Головин работал над учебником по синтаксису. Некоторые сомнения были им высказаны в связи с введением в вузовское преподавание структурно-семантической классификации сложноподчинённых предложений (СПП). Эта классификация противопоставлялась логико-грамматической как современная – архаичной. Позиция Б.Н. Головина, выступившего в защиту традиционной классификации, показалась некоторым его коллегам консервативной, старомодной. Но вот в 2010-м году со статьёй «В защиту традиционной классификации сложноподчинённых предложений» выступила В.В. Бабайцева – профессор, чей авторитет в научном мире не подвергается сомнению: «Преимущества традиционной классификации СПП и соответственно придаточных предложений доказываются историческим опытом преподавания синтаксиса сложного предложения, а также теоретическими и (особенно!) методическими достоинствами» [11, с. 30]. Стало ясно, что время подтвердило правоту автора пособия «Основы теории синтаксиса современного русского языка».

В.В. Бабайцева очень точно выявила главное в научной позиции Б.Н. Головина, процитировав его оценку двух классификаций СПП: «При внимательном и непредвзятом взгляде на традиционную и новую классификацию таких предложений оказывается, что первая не так плоха, чтобы от неё отказываться, а вторая – не так хороша, чтобы её принимать без оговорок, закрывая глаза на её недостатки» [там же]. Б.Н. Головину действительно был свойствен «внимательный и непредвзятый взгляд» на научные теории, которые не были ему близки. В идеях своих научных противников он умел найти позитивное и по достоинству оценить его. В связи с этим есть основания предполагать, что, если бы судьба отмерила Б.Н. Головину ещё несколько лет жизни, он разработал бы новую классификацию СПП, объединив то лучшее, что есть в логико-грамматической и структурно-семантической классификациях. Действительно, традиционная классификация СПП базируется на признании изоморфизма тех атрибутивных, объектных, обстоятельственных отношений, которые складываются внутри словосочетания, простого предложения и СПП. Однако при этом игнорируются отношения восполнения, присущие синтаксически несвободным словосочетаниям. В отличие от традиционной, структурно-семантическая классификация СПП не только фиксирует наличие комплетивных отношений, но и закладывает их в основу выделения местоименно-соотноситель-

ных СПП. Справедливо признать, что если при изучении морфологического уровня языка лингвисты противопоставляют местоимения, обладающие указательным типом значения, знаменательным словам с номинативным типом значения, то вполне обосновано отграничение местоименно-соотностельных СПП от иных сложноподчинённых. Анализируя синтаксическую структуру предложений типа *Я тот, кого никто не любит*, мы не погрешим против истины, если охарактеризуем его как СПП с придаточным сказуемым, которое наполняет конкретным содержанием местоимение «тот» (сказуемое главной части СПП); соответственно между придаточной и главной частью есть отношения восполнения. Однако не будет искажения языковых фактов и в том случае, если рассматриваемую конструкцию назвать синтаксически несвободной, местоименно-соотностельной, с особым типом смысловых отношений (опять-таки «восполнения»). А далее формулировки могут быть разными: «фразовое наименование бытийного признака предмета («Я + никем не любимый»), «фразовое наименование сказуемого *тот*» и т.п. Главное – видеть специфику языковой единицы, которой является сложноподчинённое предложение во всех его разновидностях.

Принципиально отстаивая свою научную позицию, Б.Н. Головин всегда стремился увидеть рациональное зерно даже в тех лингвистических идеях, которые он подвергал критике. Это

уважительное отношение к чужому мнению, «научная толерантность», остаётся актуальной в наши дни.

Список литературы

1. Головин Б.Н. «Лингвистика текста» или «лингвистика речи»? // Термины в языке и речи. Межвуз. сб. Изд. ГГУ. Горький, 1984. С. 3–9.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
3. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвуз. сб. Изд. ГГУ. Горький, 1980. С. 3–12.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
5. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
6. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
7. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 704 с.
8. Головин Б.Н. Введение в языкознание. Изд. 4-е. М.: Высшая школа, 1983. 231 с.
9. Вороничев О.Е. О морфологическом анализе имени прилагательного // Русский язык в школе и дома. 2010. № 5.
10. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, 1977. 62 с.
11. Бабайцева В.В. В защиту традиционной классификации сложноподчинённых предложений // Русский язык в школе. 2010. № 10. С. 29–34.

B.N. GOLOVIN'S SCIENTIFIC IDEAS AND LINGUISTICS IN THE 21st CENTURY

N.N. Lavrova, S.A. Rylov

Many of B.N. Golovin's scientific ideas are relevant in the 21st century: distinction between language, speech and text, influence of terms on the interpretation of linguistic phenomena, interaction of different schools and areas of research.

Keywords: object of linguistics, «magic of term», scientific tolerance.